
Позовите меня –

Я приду... И скажу... И заплачу...

Потому что дождит...

Потому что позвали меня.

Выпивохам раздам

эту скользкую, мокрую сдачу –

Пусть содвинут стаканы,

портвейном желудки черня.

И пойдет разговор...

Про погоду... Про деньги и женщин,

Неустроенность быта

И вечный мирской неуют...

Будет вечер пустой

мировой пустотою увенчан,

Мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...
И, отспорив свое,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь –
злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
“Уходи подобру-поздорову...”
Опрокинет бутыль:
“Уходи поскорей, уходи...”
Покачнется и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвердой походкой
Пойдешь вдоль оврага,
пойдешь...
А вокруг – никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит: “Иди...”
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

Что-то скрипнет вверху...
Промелькнет суетливая галка,
И гусиное перышко
над головой проплывет.
Быстро август проходит...
Мне августа нынче не жалко –
Пусть скорее минуют
И август, и лето, и год...

Может, просто устал?..
И тоска забродила по венам...

Может, чуть не хватило
касания ласковых рук?..
Только вдруг обожгло?..
О мучительном и сокровенном
Вдруг захочешь кричать –
Неожиданно... Истоиво... Вдруг...

И слова не нужны –
Разве бренность опишешь словами?
Да и кто их услышит –
напрасные эти слова,
Если август – на склоне,
Тяжелое солнце – над нами.
И о чем-то унылом
Прощально скрипят деревья?

Все труднее ступать –
И здоровье, и лето на склоне.
И всё чудится – прежде
был август слегка голубей...
Что останется?.. Горечь...
Да женские эти ладони...
Да пугливая птаха
На узкой ладони твоей...

Куда спешим?.. Сентябрь... Птицам – к югу.
На срезе жизни кольцами – года.
Всё тоньше кольца... И бредешь по кругу,
Шаги замедлив... Нехотя... Туда,
Где всё конечно, даже бесконечность,
Где вечно лживы Ева и Лилит...

Где чёрен свет... Где временная вечность
Со смертным о бессмертье говорит.

Вослед за покоем приходит всегда непокой –
Затем, чтоб покой нам недолго покоем казался.

Ну, как же теперь мне к тебе прикоснуться рукой,
Когда я рукою к вселенскому злу прикасался?..

Уже заструилась с деревьев линия медь,
И тучи тяжелые бродят всё ниже и ниже...
Ну, как же посмею теперь на тебя поглядеть,
Когда я глядел на другую – светло и бесстыже?..

Глядел... И казалось, что это и есть благодать...
И снова глядел... И разлукою мучился снова.
Ну, как я посмею теперь тебе что-то сказать,
Когда повторял, что молчание – выше, чем слово?..

Крест-накрест зачеркнут вконец неудавшийся день,
А пульс всё морзянит, что лучшего мы и не стоим.
Луна оскудеет... И солнце взойдет набекрень
Над вечным покоем... Над призрачным вечным покоем.

Такая судьбина—нельзя обижаться и злиться.
Стонать – это можно... Вдали... И рыдать на бегу.
Хрипеть от бессилья – тебя забирают в больницу,
Домашние рядом... А я позвонить не могу...

Ну, так получилось... О, Господи, так получилось –
Два вскрика, две боли, две тени похитила ночь.
И твой полусшепот – великая, высшая милость...
Но «Скорая» мчится... И вздохами тут не помочь.

А как я узнаю?.. О, Господи, как я узнаю,
Где солнце, где небо, где льдинка на черном снегу?..
Пусть с самого края, пусть с самого-самого края,
Но там, где твой выдох... А я позвонить не могу...

К чему телефоны?.. К чему мне высокие звоны?
К чему Ариадна по небу раскинула нить?
О, как же надсадно, как злобно звонят телефоны!
А мне на твой номер все так же нельзя позвонить...

Не будет иначе... Я знаю – не будет иначе...
Но где-то в предсердье сценарий иной берегу.
Там женщина плачет... Замужняя женщина плачет:
«Любимому больно... А я позвонить не могу...»

В Турции, в Кемере,
Где беспечно море,
Где подошвы лижет смиренная волна,
Где гортанный выкрик
С истиной в раздоре,
Где на воле воля вовсе не вольна;
Отойди – забудут,
Подойди – попросят,
Увлечись – обманут
в несколько минут.
Где стаканы с хмелем ласково подносят:
“Пропили поездку?.. Русию пропьют...”
Что им боль Марины?..
Что им профиль Анны?..
Что им тихий шелест медленных страниц?
Что им в этом крике?..
Он же не гортанный...
Что им строки бледных
истовых блудниц?..
Им бы только ложью наполнились глазницы,
Им бы свой товарец втридорога сбыть...
Три звезды на небе...
Ни одной зарницы...
Выше минарета ничему не быть.*
Чай куплю для виду... Отойду в сторонку.
Нынче солнце ниже – дело к сентябрю.
Потреплю по щечке наглого турчонка,
И его сестрице мелочь подарю.
Та попросит взглядом: “Дай еще немножко...”
Улыбнется тихо... И шагнет назад,
В памяти оставив грязную ладошку...
Грязная ладошка... Чистые глаза...
После, на прощанье, мне рукой помашет,

Чтобы следом в спину с яростью взглянуть:

“Очин син халоший у тваей мамаси...”

В Турции... В Кемере

Солнце... Море... Жуть...

**По мусульманской традиции постройки не могут быть выше мечети*